

ПАНОРАМА

УДК 1: 124.5

DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-145-157

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Ерохин Владимир Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры филологии. Саратовская государственная юридическая академия. Российская Федерация 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104; e-mail: v.s.erohin@mail.ru

Цель настоящей работы состоит в обосновании утверждения о том, что социальные практики представляют собой нормативное основание формирования персональной идентификации личности. Для достижения поставленной цели необходимым видится решение ряда задач: (1) определить содержание понятий «практика» и «социальная практика», выявить их соотношение; (2) выявить рациональную и нормативную природу социальных практик; (3) обосновать понимание социальных практик как нормативного основания персональной идентификации личности. В работе используется логический метод, позволяющий сформировать целостное представление о содержании понятий «практика» и «социальная практика», провести их соотношение. Применяется критический метод, который выражается в анализе подходов к пониманию социальных практик как нормативного основания персональной идентификации. В работе применяется синтетический подход, объединяющий в себе ресурсы деятельностной концепции и теории практик П. Бурдье и применяющий их к решению вопроса о нормативных основаниях персональной идентификации личности. Полученные результаты и основные выводы исследования состоят в том, что понятие «практика» выражает преобразовательную деятельность человека, а термин «социальная практика», будучи видовым по отношению к понятию «практика», выражает множество повторяющихся социально значимых действий. Спецификой данного понятия оказывается его направленность на объяснение повседневности. Актуальность изучения социальных практик заключается в том, что они выражают совокупность социально приемлемых моделей поведения человека. Значимым и принципиальным становится утверждение автора о том, что социальные практики суть способ формирования персональной идентификации. Новизна работы заключается в том, что персональная идентификация личности реализуется в форме социальных практик, которые приобретают нормативное основание и регламентируют социальное бытие персоны.

Ключевые слова: практика, социальная практика, персональная идентификация, нормативность, социализация

Цитирование: Ерохин В.С. Социальные практики и персональная идентификация личности // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 145-157. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-145-157

SOCIAL PRACTICES AND PERSONAL IDENTIFICATION

Vladimir S. Erokhin – PhD in Philosophy, associate professor, the Department of Philosophy. The Saratov State Law Academy. 104 Chernyshevskogo St., Saratov 410056, Russian Federation; e-mail: v.s.erohin@mail.ru

The purpose of this work is to substantiate the statement that social practices are a normative basis for the formation of personal identification of an individual. To achieve this goal, it is necessary to solve a number of tasks: (1) to determine the content of the concepts of “practice” and “social practice” and identify their relationship; (2) to identify the rational and normative nature of social practices; (3) to substantiate the understanding of social practices as a normative basis for personal identification. The paper uses a logical method that allows to form a holistic view of the content of the concepts of “practice” and “social practice” and carry out their correlation. It also applies a critical method, which manifests in the analysis of approaches to understanding social practices as a normative basis for personal identification. The paper uses a synthetic approach that combines the resources of the activity concept and the theory of P. Bourdieu's practices and applies them to solving the issue of the normative foundations of personal identification. The results obtained and the main conclusions of the study are that the concept of practice expresses the transformative activity of a person, while the term of social practice, being specific in relation to the concept of practice, expresses a lot of socially significant repetitive actions. The specificity of this concept is its focus on explaining everyday life. The relevance of studying social practices lies in the fact that they express a set of socially acceptable models of human behavior. The author's statement that social practices are a way of forming personal identification becomes significant and fundamental. The novelty of the work lies in the fact that personal identification of a person is realized in the form of social practices that acquire a normative basis and regulate the social being of a person.

Keywords: practice, social practice, personal identification, normativity, socialization

For References: Erokhin, Vladimir. 2021. Social practices and personal identification, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 4 (4): 145-157. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-145-157 (In Russian)

Философское понимание социальных практик представляется важным по ряду причин. Так, понимание места человека в обществе определяется его способностью к практической и преобразовательной деятельности. Определяется возможность и способность социального субъекта использовать доступные общественные институты и их ресурсы для оказания воздействия на социальную систему с целью ее изменения [Плотникова, 2017].

Кроме того, существенным оказывается трансформация самого субъекта хотя бы на том основании, что он является участником общественной интеракции. Значимыми представляются трансформации персональной идентичности, соответствующие историческому и культурному состоянию. Практики, применяемые в процессе общественного взаимодействия, позволяют реализовать в различных формах и способах персональную социализацию посредством психологических, традиционных цивилизационных (например, семейных), институциональных, стилизованных (через погружение в культуру или субкультуру), межличностных механизмов социализации [Мудрик, 2000, с. 13–15]. Представленный механизм позволяет полноценно реализовать персональную идентификацию нормативности и изучать трансформации, происходящие с ней.

Под «практикой» в философии мыслится сугубо человеческий способ влияния на окружающий мир. Содержание данного термина основано на признании примата разумности человеческой природы и деятельности, которая своим основанием имеет способность субъекта к целеполаганию и осуществлению преобразовательной деятельности. Понятие «практика» выражает многообразие видов человеческой деятельности и мышления, и его можно использовать в различных контекстах философского дискурса для описания:

- любых видов поступка и деятельности вне зависимости от нравственной и социальной оценки проведенного действия. Существенным представляется тот факт, что как позитивные, так и негативные оценочные суждения не являются единственным достаточным основанием, которое имело бы принципиальное значение в процессе реализации практик как поступков или видов реализации сущности человека;

- всех возможных проявлений технико-инструментального или практически ориентированного разума, который объединяет в себе различные (нравственные, эстетические, когнитивные) способности разума и рассудка. Важной в данном случае представляется способность человека к реализации в форме практик собственного потенциала, ресурсов персонального и социального существования личности в различных, пусть даже социально неприемлемых формах поведения и действия;

- универсального способа отношения человека к миру, который в обобщенном виде может быть представлен в рамках схемы «цель – средства – результат». Способность целеполагания, применение эффективных методов и средств достижения поставленных целей,

а также возможность субъекта достигать желаемых результатов отличает практики от всех остальных видов действия.

В научной литературе отмечается, что существует некоторое затруднение в определении сущности понятия «практика». Так, А.В. Дьяков в своем стремлении развить теорию практик утверждает, что не существует четкого рабочего определения понятия «практика», однако имеет место быть длительный дискурс о практиках, который берет свое начало в античной философии в идеях Аристотеля. Стагирит ввел в использование понятие «праксис», под которым понимается «ценностно ориентированное социальное действие, основанное на личном знании и апеллирующее к фронезису (phronesis) – личной практической мудрости, которая приобретается только путем социального взаимодействия» [Дьяков, 2011а, с. 209]. В рамках такого понимания формируется социально-этическая концепция практики, развитая в современной философии в философских и социальных воззрениях различных мыслителей.

Иным представляется понимание практики в марксизме, в рамках которого разделяется прaxis и практика в собственном смысле этого слова. Под первым понятием мыслится родовая сущность человека, выражающаяся в трудовой преобразовательной деятельности. Таковой, с точки зрения К. Маркса, оказывается «целесообразная предметная преобразующая продуктивная деятельность (Tätigkeit, Thätigkeit), которую он в разных контекстах называет трудом (Arbeit), прaxisом (Praxis), практикой (Praktik)» [Кондрашов, 2016, с. 71]. Праксис в форме труда в концепции немецкого мыслителя выражает родовую сущность человека и субстанцию социального бытия, выраженную в результатах трудовой деятельности, прaxisе. Иначе говоря, мыслителем признается, что «любое социально-историческое явление представляет собой либо саму деятельность, либо какой-то ее модус, какое-то ее состояние, какой-то ее результат» [там же]. Таким образом, утверждается социальное основание практики как реализации родовой сущности человека.

Другое понимание анализируемого нами понятия позволяет обозначить все материально ориентированные виды человеческой деятельности, в которой раскрывается неотчуждаемая сущность человека и «освобождает человека от репрессии необходимости, от культурных и природных детерминант» [Дьяков, 2011б, с. 210]. Таким образом, определяется личностный, экзистенциальный план, основание понимания практик, – план, позволяющий выразить персональную природу отдельного человека в результатах его практической деятельности.

При этом диалектичность прaxisа говорит о его нормативной и intersubъективной природе, выраженной в том, что для всех участников деятельности формируется идентичная значимость созданного предмета в рамках различных видов деятельности. Преобразованная в предмет вещь содержит в себе значимое содержание и принципы, нормы взаимодействия с ним. Нормативное основание прaxisа реа-

лизуется через усвоение схем, а также механизмов совместной и отдельной предметно-орудийной деятельности, на основании которых могут быть сформированы идентичные структуры мышления субъектов социальных отношений.

Содержание понятия «практика» может быть раскрыто в единстве множества компонентов, среди которых традиционно выделяется регулярная повторяемость конкретных действий, укорененность практик в социуме, а также наличие содержания практических действий, с помощью которого можно объяснить выбор и закрепление конкретного вида практики [Дьяков, 2011б].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что под практикой понимается деятельность, направленная на преобразование окружающей действительности. Она имеет социальную природу, предполагающую способность человека использовать ресурсы рациональной природы человека, его способность к целеполаганию и стремление достигнуть желаемого результата. Будучи преобразующей деятельностью человека, практика содержит в себе объективные и субъективные элементы. Первые позволяют описать общественную природу практического действия, вторые указывают на персональный способ совершения человеком практических действий.

Практика имеет социальную природу. По меткому выражению П. Бурдьё (по Н.А. Шматко), под ней понимается «все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире... Следовательно, можно сказать, что практика является изменением социального мира, производимым агентом» [Шматко, 2001, с. 552–553]. На этом основании можно провести различие практики как социального феномена и действий животных, основанных на естественном инстинкте. Имея социальную природу, практика нормирует поведение человека, что представляется возможным благодаря габитусу как способности свободно производить практики в условиях нормативно определенных правил и процедур реализации действий [там же]. Как следствие, можно утверждать не только социальную, но и нормативную природу практик, поскольку они регламентируют социально приемлемые формы и способы существования персоны.

Видовым по отношению к понятию «практика» является термин «социальная практика» за счет указания признака общественно-исторической и культурной ориентированности. Данное понятие дает возможность расширить методологический и познавательный потенциал понятия «практика» путем его адаптации к повседневности. Социальные практики могут включать в себя не только трудовые, но также познавательные, речевые, коммуникационные и множество других феноменов [Цикунова, 2016, web]. Принципиальным видится необходимость учитывать влияние различных событий на конкретное принятое решение и, как следствие, реализованное действие, социальную практику. Формируется, таким образом, идея взаимного влияния объективного и субъек-

тивного в социальной практике личности – субъекта социальных взаимодействий.

Значимым в понимании сущности социальных практик представляется возможность применения принципов рационального и практического действия в различных областях знания и деятельности. Такой характер социальных практик может быть понят как основание реализации практической деятельности человека и общества. В процессе совершения социальной практики личность становится узловым пунктом соотношения естественной и очеловеченной природы [Мендрул, 1997]. Как следствие, социальные практики, основанные на рациональности человека, ориентированной на повседневность, выражают возможность продвижения рациональных условий социального и персонального бытия личности как идентифицирующего субъекта, который реализует себя в наиболее эффективных формах и способах самореализации.

Рациональная природа социальных практик реализуется в современном обществе в различных формах, среди которых наиболее значимыми представляются:

- возможность формирования аксиологического основания повседневной деятельности;
- наличие способности субъекта практики к телеологичности, а также выбору наиболее эффективных методов достижения поставленной цели;
- формирование нормативного и методологического основания получения знаний об условиях социального бытия и возможности применения социально приемлемых практик и моделей поведения [Агафонова, 2010, с. 29].

Мы видим, что социальные практики нормируют деятельность личности через реализацию принципа рациональности социальной интеракции. Это позволяет достигнуть высокой эффективности деятельности личности в общественном взаимодействии, ее способности к целеполаганию, выбору персоной правильных методов достижения результата. Кроме того, рациональная природа социальных практик дает возможность персоне адаптироваться к актуальным социальным взаимодействиям за счет выбора актуальных моделей повседневного поведения.

В наиболее общем виде термин «социальная практика» выражает совокупность способов существования социальной действительности, проявляющих себя в многообразии общественных сфер деятельности человека [Иванова, 2014]. Вместе с тем данный термин выражает различные формы воспроизводства социальности в повседневной жизни человека. Содержание понятия «социальная практика» включает два компонента: индивидуальный, позволяющий обозначить высокую роль человеческой деятельности как отдельного социального существа, и социальный, в рамках которого демонстрируются социальные условия реализации деятельности человека.

В рамках своего социального компонента термин «социальная практика» может быть понят как вид регулярно повторяющихся действий, разделяемых субъектами интересубъективной интеракции и значимых для всего сообщества. В рамках такого понимания отображается реальное соотношение сил между материально-экономическим и коммуникативно-символическим началами социума [Дьяков, 2011б]. Как следствие, социальные практики выступают в качестве основания существования общества, а также средства его трансформации, поскольку обладают актуальными ресурсами в виде множества общественных институтов, субъектов и отношений [Резник, 2008], позволяющих реализовать поставленные цели и задачи, а также основаны на рациональном использовании имеющихся ресурсов. Таким образом, социальные практики выражают общесоциальные принципы существования и деятельности.

Индивидуальный компонент социальных практик изучается в идеях П. Бурдьё [Бурдьё, 2001, с. 43–54], который определял данное понятие как способность социальных агентов соотносить собственное поведение с имеющимися представлениями об общественном устройстве и корректировать его в случае необходимости. На таком основании социальные практики оказываются индикатором социально приемлемых моделей поведения и могут быть поняты как средство приспособления, адаптации к обществу [Шугальский, 2012]. Таким образом, социальные практики оказываются одним из оснований социализации личности.

Кроме того, индивидуальный компонент социальных практик реализуется в способности персоны изменять социальный мир, совершая повседневные поступки [Шматко, 2001]. Используя ресурсы габитуса как совокупность правил и процедур, которые ограничивают производительную и преобразовательную деятельность социального субъекта, персона свободно формирует и реализует практики таким образом, чтобы максимально выразить собственную идентичность. Габитус, будучи множеством устойчивых структур, правил и норм, формирующих персональные социальные практики и представления агентов интересубъективных интеракций, регламентирует социальные практики как результат деятельности персоны [Wacquant., 2016]. Как следствие, процесс ее социализации воплощается через способность личности создавать и реализовывать такие модели поведения, которые бы отражали ее интересы и осуществлялись социально приемлемыми способами.

Можно утверждать, что на основании социального компонента практик в персональной идентификации формируется совокупность общих аскриптивных норм, интегрирующих человека в структуру общественных связей и отношений. Индивидуальный компонент социальных практик позволяет сформировать каждой персоне уникальный проект дескриптивных норм, идентифицируя себя с которыми, личность формирует неповторимый мир собственных приоритетов [Cukier, Bauer, Middleton, 2014]. Как итог, габитус выражает совокупность социально приемлемых практик

и принципов поведения, которые могли бы быть использованы для достижения личностью персональной идентификации нормативности, в полной мере выражающей ее сущность.

Очевидным представляется единство социально обуславливающих факторов практического поведения индивида и форм его действия отдельного субъекта интересубъективных отношений. Общество как система может быть понято как синергетическая социальная практика, для которой характерны отработанные отношения взаимной зависимости индивидов и групп. Учитывается наличие границ и свойств такой социальной практики, которые обусловлены признаками активного актора связей и отношений, а также мира, который он пытается изменить. Существенными представляются такие свойства, как объяснимость практик, их наблюдаемость и сообщаемость, а также рефлексивный характер практик. На этом основании следует с уверенностью утверждать рациональную и коммуникационную природу социальных практик, позволяющую личностям вступать в социальную интеракцию и активно взаимодействовать с Другими.

Значимым представляется утверждение о том, что социальная практика как основание социализации личности постоянно ею воспроизводится в форме рутинных общепринятых действий, реализуемых привычным способом в процессе ежедневной деятельности персоны. Доминирующей целью такого процесса оказывается унификация, упрощение социального бытия персоны, что, как нам представляется, может быть основанием и содержанием повседневности. Габитус предполагает постоянную основу для воспроизведения человеческой деятельности с максимальным уменьшением затрат и институционализацией [Бергер, Лукман, 1995, с. 89–92; Шугальский, 2012, с. 277–278], поэтому он может мыслиться как средство повышения эффективности человеческих действий и социальных практик.

Вместе с тем социальные практики могут быть поняты в качестве результата формирования совместной деятельности людей, цель которой – изменение качества жизни персон в соответствии с интенциями личностей как субъектов социального взаимодействия, а также изменение имеющихся у них ресурсов. В таком случае возможным становится компромисс между объективистским пониманием термина «практика» и субъективистским его прочтением. Наличие хабитуальных оснований поведения индивида в обществе, хоть и дает ему основание для типичных действий, тем не менее, не ограничивает возможность и способность индивидуального субъекта реализовывать себя в качестве уникального неповторимого актора социального взаимодействия.

Как следствие, социальные практики позволяют сформировать и воспроизвести персональные идентичности отдельных субъектов общественного взаимодействия и указать способы их социального бытия, возможные в определенных социальных условиях и на определенном временном отрезке [Волков, Хорхордин, 2008, с. 22].

На таком основании становится актуальной способность, а также возможность личности сформировать персональные социальные практики, позволяющие идентифицировать себя как самостоятельного субъекта с имеющимися ресурсами и интенциями. Как следствие, социальные практики могут быть интерпретированы как совокупность умений, а также телеологической деятельности, с помощью которых человек получает возможность реализовать себя в определенном социальном качестве.

Актуальным примером формирования персональных социальных практик может считаться реализация гендерных оснований персональной идентификации. Феминизм, используя понятие «гендер», выявляет нормативные основания персональной идентичности с помощью указания на социально приемлемые практики поведения человека в обществе. Г.Г. Силласте показывает, что «гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению» [Силласте, 2019, с. 7]. На таком основании можно утверждать, что формирование гендеров и их практическое применение дает возможность определять основания и принципы персонального существования и социальных практик человека.

Таким образом, формируется идеальный образ персоны, который оказывается социально приемлемым и одобряемым. Формирование социального пола позволяет реализовать ресурсы отдельной личности в социально приемлемых и нормативно закреплённых социальных практиках. Изменение гендерных ролей, а также персональной и публичной идентичности влечет за собой трансформацию социокультурных типов понимания мужского и женского [Клецина, Иоффе, 2019]. Мы видим, что социальные практики гендерной идентичности личности предполагают знание о применяемых в современном обществе гендерных практиках и их применение в повседневных моделях персонального действия. На основании представленных социальных практик формируется гендерная идентичность персоны.

Более того, можно утверждать, что хабитуальные основания поведения личности наиндивидуальны и позволяют унифицировать, стандартизировать ее необходимые модели поведения для облегчения социального существования и формирования оснований персональной идентификации нормативности. Вместе с тем хабитуальные основания практической деятельности индивида оставляют возможность формирования индивидуальных социальных практик, выражающих субъективные элементы персональной идентификации. В случае с гендерными практиками персоны мы видим, что субъективное понимание гендерных практик влечет за собой способность персоны реализовывать собственную гендерную идентификацию.

Характер и сущность социальных практик проявляют себя как способность личности понимать содержание реализуемых процессов, определяющих специфику развития и функционирования кон-

кретного общества в целом на данном историческом этапе и на фоне конкретной культуры. Они указывают основные способы социального существования, допускаемые в конкретных культурно-исторических условиях. В этом отношении социальные практики могут быть поняты как упорядоченные совокупности навыков деятельности, которые позволяют раскрыть возможности человека состояться в конкретной форме персональной идентификации [Волков, Хорхордин, 2008, с. 22].

Исходя из представленного утверждения, можно сделать вывод о том, что социальные практики в значительной степени определяют способы достижения персональной идентичности и формы ее реализации. Техническое перевооружение общества влияет на все виды совершаемых человеком практик и, как следствие, на нормативное измерение социального бытия личности.

В итоге можно утверждать, что практика есть деятельность, направленная на преобразование окружающей действительности. Она имеет социальную и рациональную природу и выражает способность человека к целеполаганию, а также стремлению достигнуть желаемого результата. Социальная практика является видо-вым понятием по отношению к термину «практика» и выражает совокупность регулярно повторяющихся общественно значимых действий, которые разделяются социальными субъектами. В отличие от практики в целом, данное понятие может быть использовано для описания множества повседневных практические действия.

Социальные практики представляют собой нормативное основание формирования персональной идентификации. Именно они регламентируют общественное бытие личности, которая в процессе их реализации становится способной к достижению идентификации себя как самостоятельного субъекта с имеющимися ресурсами и интенциями. На примере гендерных социальных практик можно говорить о способности личности формировать персональные способы идентификации, основанные на совокупности применяемых в повседневности гендерных практик, регламентирующих (нормирующих) межличностные, групповые и общесоциальные отношения и практики (действия отдельных личностей).

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Агафонова, 2010 – *Агафонова Т.П.* Право и рациональность // Философия права. 2010. № 5 (42). С. 28–31.

Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Бурдые, 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001. 562 с.

Волков, Хорхордин, 2008 – *Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

Дьяков(а), 2011 – *Дьяков А.А.* Практики как предмет социально-философского дискурса // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 3 (28). С. 208–213.

Дьяков(б), 2011 – *Дьяков А.А.* Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 8–12.

Иванова, 2014 – *Иванова Н.А.* Социальные практики: условия возможности, сущность и многообразие форм // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). Вып. 33. С. 76–82.

Клецина, Иоффе, 2019 – *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90.

Кондрашов, 2016 – *Кондрашов П.Н.* Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 69–80.

Мендрул, 1997 – *Мендрул М.Ю.* Рациональность в контексте познания, науки и культуры // Вестник Приазовского государственного технического университета: Сб. науч. тр. 1997. Вып. 4. С. 70–74.

Мудрик, 2000 – *Мудрик А.В.* Социальная педагогика. М.: Академия, 2000. 200 с.

Плотникова, 2017 – *Плотникова Н.М.* Социальные практики как средство профессионального воспитания // Вестник КГУ. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Том 23. № 4. С. 17–21.

Резник, 2008 – *Резник Ю.М.* Человек и его социальные практики // Интелрос. 2008. № 4/6. С. 84–102.

Силласте, 2019 – *Силласте Г.Г.* Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16.

Цикунова, 2016, web – *Цикунова А.И.* Изучающие социальные практики в современном российском обществе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016. Т. 7. Вып. 3. 15SFK316. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15SFK316.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

Шматко, 2001 – *Шматко Н.А.* На пути к практической теории практики. Послесловие // П. Бурдые. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 548–562.

Шугальский, 2012 – *Шугальский С.С.* Социальные практики: интерпретация понятия // Знание Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

Cukier, Bauer, Middleton, 2014 – *Cukier W., Bauer R., Middleton C.* Applying Habermas validity claims as a standard for critical discourse analysis // Information Systems Research. Relevant Theory and Informed Practice. Boston: Springer, 2014. P. 233–258.

Wacquant, 2016 – *Wacquant L.* A concise genealogy and anatomy of habitus // Sociological Review. 2016. Vol. 64. No. 1. P. 64–72.

References

Agafonova, T.P. “Pravo i ratsionalnost” [Law and rationality], *Philosophiya prava* [The Philosophy of Law], 2010, vol. 42, no 5, pp. 28–31. (In Russian)

Berger, P., Lukman, T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium Publ., 1995. (In Russian)

Cukier, W., Bauer, R., Middleton, C. "Applying Habermas validity claims as a standard for critical discourse analysis", in: *Information Systems Research. Relevant Theory and Informed Practice*. Boston: Springer, 2014, pp. 233–258.

Dyakov, A.A. "Praktiki kak predmet sotsialno-filosofskogo diskursa" [Practices as a subject of socio-philosophical discourse], *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2011, vol. 28, no 3, pp. 208–213. (In Russian)

Dyakov, A.A. "Teoriya praktik: sotsialno-filosofskiy potentsial kontseptsii" [The theory of practices: social-philosophical value of the concept], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2011, vol. 11, no. 1, pp. 8–12. (In Russian)

Ivanova, N.A. "Sotsialnye praktiki: usloviya vozmozhnosti, sushchnost i mnogoobraznye formy" [Social practices: conditions of opportunity, essence and diversity of forms], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2014, vol. 33, no 17 (346), pp. 76–82. (In Russian)

Kletsina, I.S., Yoffe, E.V. "Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli" [Norms of female behavior: traditional and modern models], *Zhenschina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2019, no 3, pp. 72–90. (In Russian)

Kondrashov, P.N. "Filosofiya praksisa Karla Marksa" [Karl Marx's philosophy of praxis], *Voprosy filosofii*, 2016, no 10, pp. 69–80. (In Russian)

Mendrul, M.U. "Ratsionalnost v kontekste poznaniya, nauki i kultury" [Rationality in the context of cognition, science and culture], *Vestnik Priazovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Priazovsky State Technical University]: Collection of academic papers, 1997, iss. 4, pp. 70–74. (In Russian)

Mudrik, A.V. *Sotsialnaya pedagogika* [Social Pedagogy]. Moscow, *Academiya Publ.*, 2000. (In Russian)

Plotnikova, N.M. "Sotsialnye praktiki kak sredstvo professionalnogo vospitaniya" [Social practices as a means of professional education], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2017, vol. 23, no 4, pp. 17–21. (In Russian)

Reznik, Y. "Chelovek i ego sotsialnye praktiki" [Man and his social practice], *Intelros*, 2008, no 4/6, pp. 84–102. (In Russian)

Shugalskiy, S.S. "Sotsialnye praktiki: interpretatsia ponatiya" [Social practices: interpretation of the concept], *Znaniye. Ponimaniye. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2012, no 2, pp. 276–280. (In Russian)

Sillaste, G.G. "Sotsialnye tranzitsii i formirovaniye novogo gendernogo poryadka" [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenschina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2019, no. 2, pp. 3–16. (In Russian)

Tsikunova, A.I. "Izuchayushchie sotsialniye praktiki v sovremennom rossiyskom obshchestve" [Learning of social practices in modern Russian society], *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 2016, vol. 7, no 3, 15SFK316. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/15SFK316.pdf> (accessed on June 30, 2021). (In Russian)

Smatko, N.A. "Na puti k prakticheskoy teorii praktiki. Posleslovie" [Towards a practical theory of practice. Afterword], in: P. Bourdieu, *Prakticheskij smysl*

[Practical Reason: On the Theory of Action]. Saint-Petersburg: Aleteya Publ., 2001, pp. 548–562. (In Russian)

Volkov, V.V., Harhordin, O.V. Teoriya praktik [The Practice Theory]. Saint-Petersburg: St.-Petersburg European University Publ., 2008. (In Russian)

Wacquant, L. “A concise genealogy and anatomy of habitus”, *Sociological Review*, 2016, vol. 64, no 1, pp. 64–72.

Поступила в редакцию 29.11.2021